

STUDIA HISTORICA

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИРКОВ

АРХЕОГРАФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ УЧЕНЫХ
конца XIX — начала XX века

Ответственный редактор
С. О. Шмидт

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК» МОСКВА 2005 ГОД

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 04-01-16042

Чирков С. В.

Ч 64 Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX века / Отв. ред. С. О. Шмидт. — М.: Знак, 2005. — 320 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-9551-0097-0

В монографии рассмотрены проблемы развития на рубеже XIX и XX вв. отечественной археографии, важнейшей задачей которой было включение в научный обиход древнерусского рукописного наследия. Изучается творчество крупнейших ученых этого времени — В. О. Ключевского, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, которые не только занимались собиранием, описанием и изданием рукописей, но и внесли существенный вклад в формирование археографии как одной из специальных историко-филологических дисциплин, исследующих исторические источники.

ББК 63.2

Оглавление

Введение	7
Глава I. В. О. Ключевский и русская археография	33
Глава II. Археографические труды А. А. Шахматова	86
Глава III. Вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие археографической работы и ее методики	136
Глава IV. Издательская и научно-организационная археографическая деятельность С. Ф. Платонова	199
Глава V. Практика и теория археографии в трудах А. Е. Преснякова	251
Заключение	306
Список сокращений	309
Именной указатель	310

Введение

В исследовании письменных источников тесно переплетаются методы и подходы книговедения и специальных историко-филологических дисциплин — текстологии, археографии, палеографии, кодикологии и др. Особенно выделяется роль археографии, в ведение которой традиционно включали собирание, описание и издание памятников письменности, как документальных, так и рукописных книг. Впрочем, последнее разделение условно, ведь каждая книга является документом своей эпохи. Важнейшая функция археографии — превращение памятника в источник познания для истории общества и истории культуры. Изучать историю специальных историко-филологических дисциплин, в частности историю археографии, важно как для успешной разработки современных проблем этих дисциплин, так и для представления об историческом развитии научной мысли в тех отраслях историко-филологического знания, которые придают ему необходимую точность и определенность.

По нашему мнению, очень существенным временем в истории специальных дисциплин, и в особенности археографии, стал рубеж XIX и XX столетий.

Как известно, конец XIX — начало XX в. — весьма сложный период в развитии отечественной исторической науки. В обстановке острой политической борьбы, принимавшей форму революций, для историографии в значительной мере была характерна политическая ангажированность, приводившая к борьбе разных направлений и течений внутри науки¹. В то же время этот период характеризуется плюрализмом исторических концепций,

новыми, сравнительно с «позитивистской» второй половиной XIX в., философскими подходами к истории, постановкой и решением существенных исследовательских проблем. Достижения российских ученых в области теоретического и конкретного источниковедения имели мировое значение². Однако победившее в политической борьбе советских лет марксистское направление трактовало рассматриваемый период как время кризиса буржуазной историографии³. В наши дни, когда изменился и климат общественно-политической жизни, и представления о самом предмете историографии, когда ученые расстаются с насильственно навязанными политизированными революционно-идеологическими оценками, настала пора отказаться от представления о «кризисе исторической науки» как об упадке российской исторической науки в десятилетия, предшествовавшие революциям 1917 г.⁴ Уже в 1969 г. Б. Г. Литвак и С. О. Шмидт утверждали, что «на закате буржуазной историографии в России мы наблюдаем настоящий расцвет источниковедения». Недооценка этого явления, затушевывание «роли выдающихся отечественных источниковедов в развитии мирового и отечественного источниковедения» объяснялись вульгарно-социологическими искривлениями в работах 40—50-х гг. XX в.⁵ Проведенные с той поры историографические исследования, осуществленные публикации научного наследия ученых конца XIX — начала XX в. позволяют утверждать, что тот период в развитии отечественной науки, когда продолжалась жизнь и творчество ее корифеев — П. Г. Виноградова, В. О. Ключевского, В. И. Семевского, когда развернулись творческие силы А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, когда началась плодотворная научная деятельность их учеников — А. И. Андреева, С. Н. Валка, С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова, Е. В. Тарле и многих других, — сопоставим по значению с такими явлениями российской культуры, как Серебряный век в поэзии, нравственно-религиозные искания философов, новаторство в театре, музыке, живописи этих лет.

Одной из особенностей развития исторической и филологической науки в конце XIX — начале XX в. был ускори́вшийся

процесс формирования и оформления в научно-организационном плане так называемых вспомогательных дисциплин гуманитарного цикла. Подосновой этого процесса были попытки воплощения поставленной позитивизмом задачи познания «точных фактов» и применения в этих целях методов, опиравшихся на достижения более близких к эмпирии естественных наук. Палеография, хронология, метрология, дипломатика, археография, архивоведение, историческая география становятся предметами преподавания в Петербургском и Московском археологических институтах, причем для некоторых дисциплин были учреждены специальные кафедры⁶. Хотя специализированных печатных органов и не создается, проблемы этих дисциплин активно обсуждаются на страницах журналов указанных институтов и археологических обществ, на всероссийских археологических съездах. Петербургский археологический институт, включавший своих выпускников в число членов института, стал прообразом научной ассоциации по проблемам этих дисциплин⁷. Некоторые предметные области, ведавшие изучением письменных источников, сложились значительно раньше (например, палеография, археография, хронология). Но и в них в рассматриваемый период происходят столь существенные изменения, что появляется повод говорить о их оформлении в качестве отдельных дисциплин.

Археография в этом ряду переживает сходные процессы. По заключению С. Н. Валка, в начале XX в. термин «археография» стал обозначать «работу и по изданию, и по описанию документов»⁸. Такое определение родилось в связи с практическими задачами, стоявшими перед учеными Археографической комиссии, и отразилось в утвержденном в 1904 г. «Положении об императорской Археографической комиссии», определившем цели этого учреждения как «научное описание и издание источников отечественной истории»⁹. Сходное определение археографии давалось «Новым энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона, а «Русская энциклопедия» (т. 2, 1911 г.), исторический отдел которой редактировал А. Е. Пресняков, определяла задачи этой научной дисциплины несколько шире, как «собираение, описание и издание письменных исторических источников».

Можно добавить, что «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат» (т. 3, 1910 г.) формулировал назначение Археографической комиссии почти сходным образом: собирание, хранение и печатание актов и литературных памятников исторического характера, — почему-то включив сюда и хранение памятников, о котором подробно говорится в статье «Археология» в другом томе словаря, где хранение отнесено к задачам архивоведения.

Как известно, энциклопедии отбирают для своего словника наиболее устоявшиеся дефиниции. Однако обращение к конкретным случаям употребления понятия «археография» в научных текстах и документах, связанных с преподаванием специальных исторических дисциплин, не позволяет признать приведенные определения безраздельно господствовавшими или даже утвердившимися в начале XX в.

Обратившись к истории «археографии» во второй половине XIX в., можно заметить нерасчлененность источниковедческого знания и соответствующую ему неопределенность терминологии. Если П. М. Строев не усматривал разницы между археографией и археологией¹⁰, то Н. В. Калачов при основании в 1877 г. Петербургского археологического института считал главной его задачей подготовку «специалистов по русской старине для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных», т. е. архивистов¹¹. Употребление термина «археология» было неопределенным; письменные памятники изучались деятелями археологических обществ, а доклады об исследовании рукописей и о положении архивного дела читались на археологических съездах.

Только к концу XIX в. в этой области наметился перелом. Так, в 1898 г. в составе Московского археологического общества выделилась археографическая комиссия, занимавшаяся вопросами археографии и архивного дела (видимо, без разделения)¹². Начиная с VIII Археологического съезда (1890 г.) доклады о письменных памятниках и архивных проблемах на съездах рассматривало особое отделение «Памятники археографические»¹³. Примерно в это же время практика работы Петербургского ар-

хеологического института привела к разделению преподаваемых в нем предметов на два цикла: археологический и археографический¹⁴. Позднее это разделение закрепилось образованием соответствующих факультетов и присвоением выпускникам квалификации «ученый археолог» и «ученый археограф». Таким образом, археография выделялась из общей совокупности знания о древностях, обозначавшихся зачастую как «археология». Смысл «археографии» в это время выявился достаточно ясно: в отличие от археологии, изучающей вещественные памятники, археография исследует памятники письменные. Такое широкое и общее определение археографии имело свои достоинства: отдельный объект изучения, известный этимологический резон. Не будучи нигде провозглашено, оно вошло в оборот и стало «обычным» представлением. Так, чуткий к терминам и нередко изобретавший свои собственные Н. Н. Ардашев обозначает в виде общего места археографию как археологию письменных памятников¹⁵. Отголосок представления об археографии — «науке о рукописях» — дошел до наших дней¹⁶.

Скрупулезное изучение источников, рост внимания к вспомогательным историческим дисциплинам в науке начала XX в. способствовали дальнейшей дифференциации этих дисциплин. Выделение учебных дисциплин в развивавшемся специальном образовании по необходимости сопровождалось установлением их задач и компетенции. Не случайно поэтому сведения об эволюции терминологии вспомогательных дисциплин в сторону все большей определенности находим в материалах археологических институтов. В состав археографического цикла Петербургского института входили архивоведение, археография, дипломатика и древности права¹⁷. Таким образом, уже с первых лет XX в. археография выступала здесь как самостоятельная учебная дисциплина. Преподававший археографию П. Н. Шеффер позднее определял ее задачи как изучение методов описания и издания письменных памятников; можно полагать, что определение это восходит к дореволюционному времени¹⁸. В Московском институте археографическая проблематика до поры находилась внутри «дипломатики» (так Н. Н. Ардашев именовал «науку о

письменности»¹⁹). Однако со временем И. Ф. Колесников выдвинул и развил представление о предмете археографии как самостоятельной дисциплины²⁰.

В 1913 г. в актовом речи на заседании Московского археологического института Колесников сформулировал положение о неоднозначности понятий «памятник старины» и «исторический источник», а также раскрыл необходимость длинного пути предварительной научной обработки для превращения памятника в источник. «Путь от памятника, — говорил Колесников, — хотя бы и письменного, до критически проверенного исторического источника долог, запутан и тернист. Это путь необходимых подготовительных работ над письменными памятниками старины, работ археографических — процесс претворения памятника в исторический источник...»²¹. Оратор резко противопоставлял процесс подготовительной обработки материала процессу извлечения информации источника для нужд исторического построения. Для историка письменный памятник — «источник определенного исторического изыскания», его задачи также сложны: критика событий, подбор и оценка фактов. «Для археографа письменный памятник есть вообще исторический источник, а не источник определенного исторического изыскания... Задача археографа — заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений»²². Таким образом, задачу археографии Колесников видел в изучении памятника «самого по себе», вне связи его с ролью источника исторических сведений (хотя и в целях превращения его в такой источник) и предусматривал существование определенного комплекса археографических работ.

Было ли такое представление о задачах археографии уникальным для науки начала XX в.? Л. Н. Пушкарев считает, что «интересная мысль И. Ф. Колесникова об отличии “памятника” от “источника” не была... в полной мере оценена в то время и осталась неразвитой»²³.

Самая идея о несовпадении памятника и источника прослеживается и у других ученых того времени. Л. С. Клейн сблизил выдвинутое И. Ф. Колесниковым положение с идеями А. С. Лап-

по-Данилевского²⁴. Действительно, Лаппо-Данилевский писал, что «пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником»²⁵. По мнению Л. Н. Хмылева, «Лаппо-Данилевский понимал двойственную природу исторического источника, заключающуюся в том, что он, с одной стороны, является продуктом человеческой *предметной* деятельности, а с другой — результатом *познавательной* деятельности историка»²⁶. Но Лаппо-Данилевский не выделял задачи превращения памятника в источник — в область самостоятельной научной дисциплины, включая эту задачу в сферу ведения «специальной методологии истории». Решается она внешней критикой — «критикой, устанавливающей научно-историческую ценность источника как факта»²⁷.

Разграничение «материала» и «источника» проводил и А. Е. Пресняков, когда говорил, что «документы и все рукописное наследие прошлого всегда были и будут важнейшим источником исторической науки», хотя «понятие об историческом источнике гораздо шире и сложнее, чем представление о рукописном материале...»²⁸. По мнению Преснякова, изучение подлинного документа как памятника прошлого, как бытовой вещи, как всякого предмета старого обихода, вне прямого использования его в качестве источника исторических сведений, имеет «археографическую ценность»²⁹. В ходе такого изучения, имеющего самостоятельное значение для познания истории культуры, достигается задача преобразования материала в источник. Пресняков не проводил резкого разграничения между работой археографа и историка, однако понимание стадильности изучения памятника-источника у него присутствует. Не случайно позднее в программе лекционного курса истории русской археографии, составленной для Петроградского археологического института, Пресняков поставил рядом «критику археографическую и историческую»³⁰.

Итак, вопрос о специфическом предмете ведения археографии решался некоторыми учеными в начале XX в. путем осознания функциональной природы исторического источника и обо-

собления в связи с этим стадий исторического исследования. Первоначальная стадия изучения, стадия приведения письменного памятника в известность и конституализации его в качестве источника исторических сведений, рассматривалась как область «археографической критики». Исследование в этих целях объективных свойств памятника составляло предмет археографии. Похожие процессы происходили и в развитии других так называемых вспомогательных дисциплин. А. Е. Пресняков писал по поводу выхода в свет «Очерка русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского: «Для дипломатики (в том виде, как она создана Лаппо-Данилевским) изучение письменных документов данной эпохи как определенных форм, в каких закреплялись проявления ее государственных, гражданских и частных отношений, выходит за пределы вспомогательных задач исторической критики и источниковедения и вырастает до самостоятельного интереса к проявлению культурно-исторического творчества в эволюции форм этих документов, их типичных особенностей в связи с той ролью, какую они играли в житейских отношениях своего времени»³¹. По мнению Преснякова, далеко перерастает задачи источниковедения и сложная картина непрерывного развития русского летописания, реконструированная в трудах А. А. Шахматова. Достигнутые Шахматовым «определение времени, когда возник тот или иной свод, и среды, его создавшей, выяснение его типа, состава и руководившего работой замысла — раскрывают существенные моменты в развитии русской общественной мысли, как отражения в сознании современников крупных явлений русской исторической жизни с их особым пониманием и того, что было для них настоящим, и пережитого в их время родного прошлого»³². Пресняков писал и о понимании палеографии как науки, для которой «рукопись есть предмет археологической ценности, вещественный остаток старины, отложившей свои черты не только в содержании текста, но и в характере писчего материала, в стиле почерка, в украшении рукописей... даже в самом расположении строк, заполняющих страницу»³³. Уместно напомнить, что успешному применению данных филологии к датировке рукописей Н. П. Ли-

хачев предположил изучение истории бумажного производства — бумаги и бумажных мельниц Московской Руси³⁴. А вот что пишет В. Л. Янин об истории отечественной сфрагистики: «С конца XIX в. ...начался новый период в развитии сфрагистики как дисциплины, изучающей историю формирования и развития древних государственных институтов на основе хронологической классификации совокупности печатей, четко реагирующих на любые реформы государственного аппарата»³⁵. А. И. Аксенов, изучавший историю генеалогии в России, показал, что на рубеже веков «генеалогические сюжеты получили историческое освещение и нашли исторический выход», так как «семейные связи сами становятся предметом исследования, наполняясь историческим содержанием, а «родословные росписи превращаются в фамильную историю, выясняющую роль, место и значение рода в истории»³⁶. Число примеров можно было бы умножить, но суть дела ясна: в начале XX в. «вспомогательные» дисциплины начинают терять свой вспомогательный по отношению к историко-филологической науке характер, приобретают самостоятельное значение разделов истории, в первую очередь истории культуры. На этапе чисто инструментального использования их сведений в историческом исследовании эти дисциплины можно было трактовать как «технику исследования» — так и квалифицирует их А. С. Лаппо-Данилевский в «Методологии истории». Однако последовательно проведенная разработка проблем какой-либо «вспомогательной исторической дисциплины» вела к превращению ее в специальную область истории. А значит, привлекающая простотой «техника» оказывается зависимой от методологии, от теоретических взглядов исследователя. Разумеется, был выработан такой баланс техники и методологии, который позволил специальным дисциплинам сохранить свою роль «твердой скорлупы» гуманитарного знания. Однако в рассматриваемый период мы видим всю эту систему только в стадии становления. Было бы неверно сводить весь путь развития источниковедения в начале XX в. к победоносному шествию концепции А. С. Лаппо-Данилевского. В действительности разброс мнений, спектр выдвинутых теорий был весьма широким.